

Когда Дин Тянь вернулся в управу, там только-только закончили обедать.

При управе, конечно, имелась казенная кухня, но тамошняя стряпня — пресная, сваренная в огромных общих котлах — годилась разве что на то, чтобы набить брюхо. Никакого удовольствия. Наваристого бульона там отродясь не видели, разве что по большим праздникам служивым перепадало по миске мяса на брата. Со стороны могло показаться, будто управа — место сытное, а ее служащие живут припеваючи. На деле же, пока к ним в лапы не попадался жирный карась, здешние чины перебивались с хлеба на квас, порой бедствуя похлеще простых крестьян.

Во всяком случае, домашний стол Дин Тяня был в сто крат лучше казенного.

Впрочем, раз уж он поступил на службу, капризничать и привередничать не следовало.

Поприветствовав коллег, Дин Тянь прошел в отведенную ему комнату. Обустраивать жилье предстояло своими силами. Окинув взглядом унылые голые стены, юноша набросал список самого необходимого и собрался было на рынок. У самого выхода он нос к носу столкнулся с Чэн Да и, пользуясь случаем, сообщил, что сегодня вечером выставляет угощение для всей управы.

— Да как-то неловко даже, — Чэн Да так и расплылся в улыбке, предвкушающе потирая ладони. — Вот только в управе всё равно придется оставить двоих на дежурстве.

— Ну так пусть двое и остаются, — без колебаний ответил Дин Тянь. — Я велю хозяину «Трактира Ароматного Изобилия» прислать им еду и вино прямо сюда. Обиженным никто не уйдет, а в следующий раз посидим уже все вместе.

Этот трактир слыл лучшим заведением в уездном городе.

— Договорились! — ухмыльнулся Чэн Да.

Проводив молодого начальника, он тут же побежал обратно в управу. Язык у Чэн Да был без костей, так что уже через четверть часа все присутственные места гудели: новый тюремщик — парень мировой! Хоть и молод, а понимает, как дела делаются. Сам еще толком не устроился, вещи не разобрал, а уже широким жестом накрывает поляну для коллектива. После такого попробуй не протяни ему руку помощи при случае. Как говорится, долг платежом красен, а за добрый обед и служба спорится.

Сам же Дин Тянь, сжимая в руке список покупок, не спеша зашагал по городским улицам.

Уездный город Ньюцзяо величиной не отличался. Из приличных заведений здесь красовался

лишь «Трактир Ароматного Изобилия». Для публики попроще работали «Таверна Старого Бульона из Баранины» да «Лапшичная Эрцзы». Заезжий люд принимали на двух постоянных дворах — «Как Дома» и «Радужный Прием».

Помимо них, торговлю вели «Текстильная лавка Жуюй», «Вышивальная мастерская Цзиньсэ» и «Мясная лавка Дашань». В последней торговали в основном свежей свининой, хотя изредка из-под полы продавали домашнюю птицу — кур, уток да гусей. Впрочем, спросом они не пользовались: крестьяне предпочитали сами привозить птицу в город и сбывать ее на рынке за бесценок.

Также в городе имелись три бакалейные лавки: «Ли Сы», «Байлэ» и «Старый Чжан». Там можно было раздобыть абсолютно всё: от тончайших швейных игл и мотков тесьмы до огромных чугунных котлов, в которых легко сварить обед на добрый десяток голодных ртов.

Вот, пожалуй, и все заведения, составлявшие торговую славу Ньюцзяо. Прочие лоточники, торговцы лапшой да мелкими сладостями ютились прямо на улицах и постоянного пристанища не имели, так что и поминать их не стоило.

В городе было всего двое ворот — Южные и Северные. Планировка отличалась простотой: восточную часть занимали жилые кварталы, а западная была отдана под торговлю. Почти все лавки теснились на западе. Там же, на Западном рынке, пустовала просторная площадь, отведенная для деревенского люда. Сюда стекались крестьяне из окрестных деревень, чтобы сбыть излишки хозяйства. Сейчас, впрочем, из-за холодов торговля почти замерла — продавали разве что первые весенние яйца да нехитрую домашнюю утварь.

Дин Тянь прошелся по торговым рядам, но ушел несолоно хлебавши — из-за промозглого ветра торговцы даже не разложили товар.

Зато в бакалейных лавках жизнь была ключом. Прикинув нужды своего нового скромного жилища, Дин Тянь принялся выбирать мебель. Столы, табуреты, скамьи и даже новые циновки на кан — за всё приходилось платить из собственного кармана. Государство о быте служивых не заботилось, а комната при управе больше походила на тюремную камеру, нежели на жилье. С другой стороны, раз уж платишь сам, то и экономить на себе грех. Дин Тянь выбирал вещи добротные, из хорошего дерева. Собственный уют — дело такое: обустроишься на славу, и никто тебе слова поперек не скажет.

Поскольку покупок набрался целый воз, он расплатился на месте и попросил хозяина отправить товар с приказчиком прямо к управе.

Из бакалеи Дин Тянь направился напрямик в вышивальную мастерскую — там, помимо прочего, приторговывали благовониями. Юноша выбрал несколько брусочков и ахнул: с него содрали целых два лян серебра! Дороговизна несусветная. Неудивительно, что даже уездный судья зажигал благовония лишь по праздникам.

К слову, всю утварь он сторговал в «Бакалейной лавке Старого Чжана», выложив за нее без

малого тридцать лянов. Эта лавка открылась в Ньюцзяо самой первой. Вторая, «Байлэ», появилась позже, а третью, хозяйство пронырливого Ли Сы, открыли совсем недавно. Сам Ли Сы показался Дин Тяню человеком ненадежным и скользким, так что он предпочел проверенное временем место. И не прогадал: за крупный заказ старый Чжан скинул мелочь и вдобавок подарил два удобных лубочных табурета.

<http://bllate.org/book/19387/1986206>